

В историографии большое внимание уделяется столкновениям интересов России и Швеции в Ингерманландии, поскольку эта территория была особенно стратегически важной, открывающей выход к Балтийскому морю, следовательно, владение ею создавало торговые преференции.

Однако не менее сложной и интригующей была ситуация в Карелии, в регионе, где пролегала граница между государствами и происходили военные, политические и экономические столкновения. Проблемы, связанные с межгосударственным положением Карелии, поднимаются в современной зарубежной (в большинстве — финляндской) и отечественной историографии, посвящённой российско-шведским отношениям с XIV по XIX век. Однако круг вопросов, а также спорные моменты, на которые обращают внимание авторы по обе стороны границы, различаются.

Известным исследователем истории трансграничной зоны является профессор Университета Восточной Финляндии Юкка Корпела. В 2002 г. им опубликована статья [11], посвящённая ситуации на восточной границе Финляндии начиная с 1323 г.¹ Как отмечает Ю. Корпела, граница по Ореховецкому мирному договору, разделившая Карелию на две части — шведскую и российскую, — носила не только политический, но и культурно-религиозный характер [11: 385]. Исследователь показывает на примере Карелии, что разделение явилось результатом «борьбы влияний» — западного и восточного, католицизма и православия [11: 386].

Ю. Корпела обращается к вопросу, который долгое время был камнем преткновения в историографии, — о прохождении границы, установленной Ореховецким мирным договором. По его мнению, говорить о том, как пролегала граница и какие территории были разделены, — очень сложно [11: 386]. Соглашаясь с мнением датского историка Джона Линда, который в 1990-е гг. возобновил давнюю дискуссию о границе, установленной Ореховецким мирным договором, профессор Корпела отмечает, что точному установлению линии границы мешает отсутствие оригинального текста договора. Суждения об условиях соглашения возможны лишь с обращением к позднесредневековым пересказам и трудам Улофа Рюдберга, изучавшего этот вопрос в 1877 г. У. Рюдберг уверенно заявлял, что изложения (пересказы) Ореховецких договоренностей возможно использовать для изучения установленного пограничного режима, поскольку Россия и Швеция не однажды стремились вернуться к условиям данного соглашения [11: 387]. В то же время, поскольку тексты отличаются друг от друга, однозначно трактовать договор не представляется возможным [11: 387].

Ю. Корпела отмечает, что хотя, согласно дошедшим до наших дней сведениям, Великий Новгород был вынужден уступить Швеции три карельских погоста, однако старейший документ — современник Ореховецкого мирного договора — Первая Новгородская летопись — не может ни подтвердить, ни опровергнуть эту информацию. Единственное упоминание этого события, которое содержит летопись, касается того, что мир был заключен «полюбовно» и восстанавливал предыдущие договоренности Новгорода и Швеции. В других летописях информации об этом договоре и вовсе нет [11: 387]. Автор также указывает, что по средневековой традиции договоры редко создавались заново: обновлялись прежние договоренности [11: 388]. Вместе с тем встаёт вопрос, существовали ли более ранние соглашения между государствами, поскольку Ореховецкий мир традиционно считается первым совместным документом, заключённым между Россией и Швецией.

В вопросе о границе по Ореховецкому мирному договору с Ю. Корпела не согласен финляндский историк Киммо Катаяла, который утверждает, что классического понимания границы,

¹ Текст статьи доступен online на платном сервере «Journal of Baltic Studies» с 2007 г. URL: <https://www.tandfonline.com/toc/rbal20/33/4?nav=tocList>

как её описывают У. Рюдберг и Дж. Линд, в те времена не существовало. В статье, вышедшей в 2012 г., профессор Катаяла отмечает, что границей считалась некая условно установленная линия, которая не была обозначена какими-либо сооружениями (по примеру римских лimesов) и не охранялась, а только определяла зоны сбора налогов для шведов и новгородцев. Граница шла по каким-то знаковым местам, известным лишь рыбакам и охотникам, поэтому говорить о серьёзных территориальных ограничениях нельзя [10: 24—25].

Ю. Корпела обращается также к вопросу столкновения финно-угорского населения, шведов и новгородцев на карельских и ингерманландских землях в XIV веке. Традиционно считается, что эти конфликты были результатом политики Новгорода, где были крайне недовольны условиями Ореховецкого соглашения (как отмечено выше, Новгород утратил три карельских погоста) и насаждением западного уклада жизни, в том числе и западного христианства, стараясь вернуть утраченную территорию. Историк констатирует, что локальные стычки не были частью политики Новгорода и не имели под собой религиозных оснований хотя бы потому, что местные карельские и финские крестьяне, рыбаки и охотники не имели чётко усвоенных представлений о национальной или религиозной идентичности, то есть, эти конфликты носили скорее социально-классовый характер [11: 389]. Прежде всего, по мнению Ю. Корпела, это были столкновения местного крестьянства и прибывавших в регион новых лендлордов, стремившихся получить здесь земли во владение [11: 389].

Лишь позднее, в XV—XVI веках, начали происходить военные действия с участием регулярных государственных войск. Ссылаясь на историков Рейнольда Хаузена и Хейкки Киркинена, Ю. Корпела отмечает, что Швеция и Московия стали строить укрепления и крепости в Карелии по обеим сторонам границы [11: 390]. Однако, по его мнению, этот процесс мог иметь под собой и другое основание — государства стремились к централизации, что подразумевало устремление контроля на их окраинах, поэтому в важнейших пограничных пунктах (Корела, Копорье, Орешек) были возведены фортификационные сооружения или монастыри, выполнившие роль крепостей [11: 390—391].

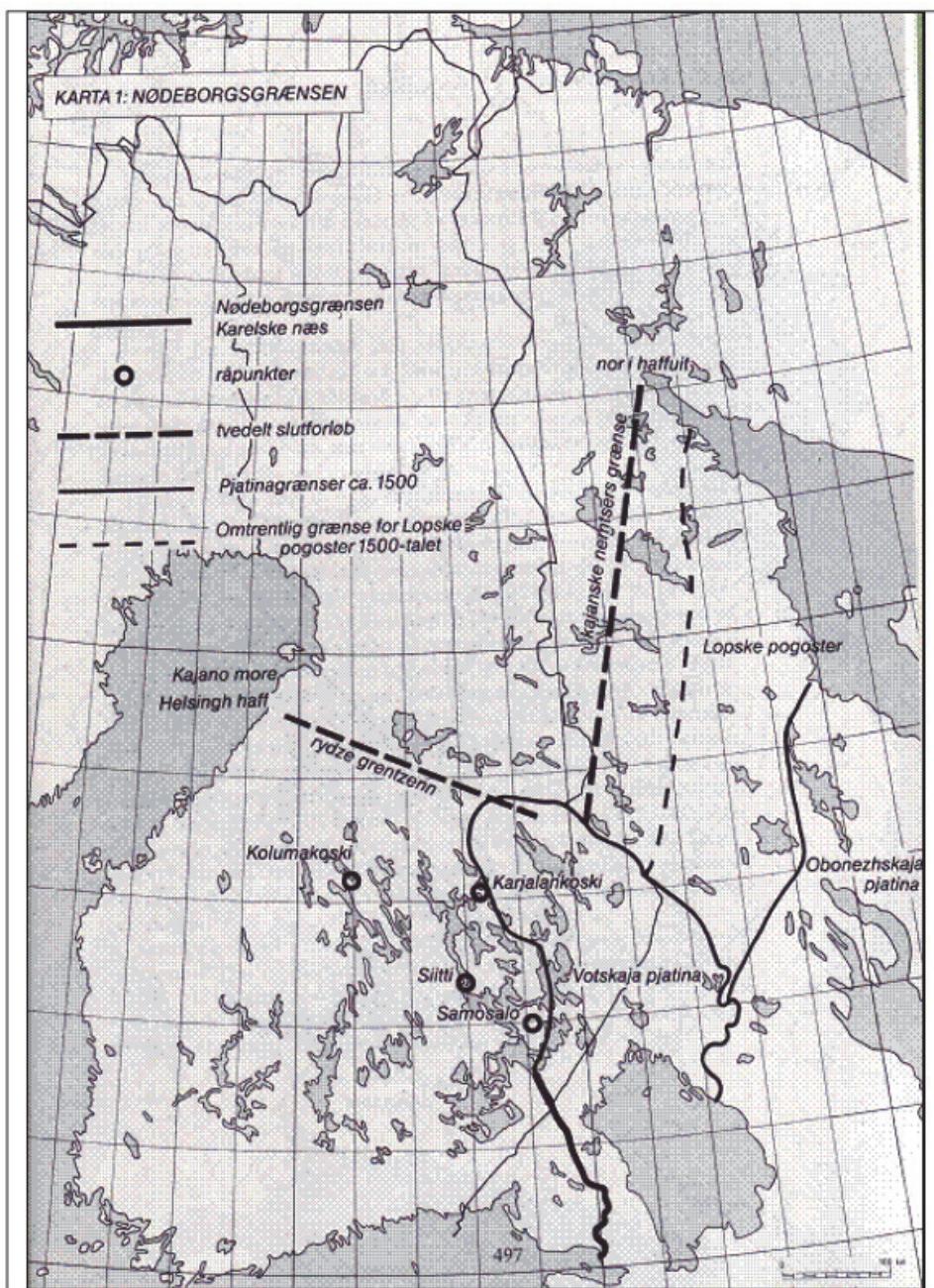
Карелия стала местом, где сталкивались интересы не только двух политических игроков, но и двух миров — западного и восточного. Ссылаясь на историка Кари Таркиайнена, Ю. Корпела замечает, что все договоры, которые заключались после Ореховецкого мира, являлись прежде всего соглашениями о торговых преференциях и базировались скорее на финансовых интересах, нежели на политических вопросах. Более того, по мнению историка, антоним к термину «мир» в данном случае следует видеть не в слове «война», а в понятии «не-мир» [11: 392]. Обосновывая свою точку зрения профессор Корпела обращает внимание на герб современного финского региона Северной Карелии: на червленом щите изображены направленные друг на друга руки: в левой части щита — рука со шведским рыцарским мечом, в правой — с восточным клинком. Герб символизирует столкновение Запада и Востока на карельской земле.

Дискуссионные вопросы о характере границы по Ореховецкому мирному договору поднимаются также в современной отечественной историографии. Прежде всего, обратимся к лекции доцента Петрозаводского государственного университета (ПетрГУ) Александра Владимиоровича Толстикова, вышедшей отдельным изданием в 2019 г. [6], в которой уделяется внимание новейшим финляндским, российским, шведским, датским и норвежским исследованиям, посвящённым теме Ореховецких договоренностей — теме, которая до сих пор остаётся спорной из-за недостаточности источников.

А. В. Толстиков, упомянув, что оригинальный текст Ореховецкого мирного договора не дошёл до наших дней, обращает внимание на то, что сохранившиеся копии на латинском и рус-

ском языках относятся к XV и XVII векам соответственно. Указанные в них географические объекты, — сетует историк, — «оказалось очень сложно идентифицировать» [6: 5].

Доцент Толстиков показывает трудности и подчёркивает противоречия в толковании источников относительно установленной в 1323 г. границы на примере точек зрения историков, занимавшихся вопросами русско-шведского разграничения — отечественного исследователя Игоря Павловича Шаскольского и датчанина Дж. Линда [6: 6]. В то время как И. П. Шаскольский утверждал, что граница протянулась от Финского до Ботнического залива, Дж. Линд, солидаризируясь с финляндским историком Ярлом Галленом, полагает, что в сохранившейся шведской копии договора указывается северо-западная оконечность Кандалакшского залива Белого моря (см. Рис. 1).

Граница по Я. Галлену и Дж. Линду
(Gallén J., Lind J. Nöteborgsfreden och Finlands medeltida östgräns. Helsingfors, 1991. Vol. 2)

Рис. 1. Русско-шведская граница согласно Дж. Линду и Я. Галлену¹

¹ Gallén J., Lind J. Nöteborgsfreden och Finlands medeltida östgräns. Helsingfors, 1991. Vol. 2. Карта приведена по изданию: [6: 25].

Относительно дискуссии Ю. Корпела и К. Катаяла по вопросу о том, могла ли существовать проложенная на местности граница в близком к современному пониманию, А. В. Толстиков полагает, что да, как и многие другие исследователи. Вместе с тем отмечается, что граница не имела особого значения для местного населения, которое, как и прежде, могло свободно перемещаться по обе её стороны [6: 8]. Дискутируя с профессором Катаяла, А. В. Толстиков констатирует, что в 1473 г. в Кореле был заключён мирный договор, в котором уточнялись условия Ореховецкого мира: регулировалось пересечение границы и шла речь о возможных последствиях её нарушения [6: 9]. Также, как отмечает исследователь, факт передачи Швеции трёх карельских погостов можно надежно истолковывать, опираясь на наличие не только русских или финно-угорских топонимов, но и шведских [6: 9—10].

Дискуссионным остаётся и вопрос о последствиях для России Столбовского мирного договора (1617 г.). В материалах состоявшейся в Санкт-Петербурге в 2007 г. международной конференции была издана статья шведского исследователя Магнуса Мёрнера [3]. Это одна из очень немногих работ в современной историографии, в которой рассматриваются не только пограничное устройство и межгосударственные отношения, но также положение населения в оспариваемых регионах (Ингерманландия и Карелия).

Столбовский договор был очень тяжёлым для России, потерявшей значительную часть территорий. Однако, как отмечает автор, его статья — это первая попытка изучения положения Кексгольма с уездом и Ингерманландии во время шведского владычества [3: 78]. Несмотря на формулировку темы, большее внимание исследователь уделяет Ижорской земле, нежели Карелии.

Прежде всего, М. Мёрнер поднимает вопрос об устроении государственной границы шведами [3: 79]. Карелия стала сильным форпостом шведской власти на финно-угорских землях. Здесь были восстановлены старые крепости и возведены новые, началось внедрение лютеранской веры и ограничение православия [3: 79—80]. Это создало большие осложнения для карельского населения, не желавшего переходить в лютеранство и бежавшего в Россию [3: 83]. М. Мёрнер утверждает, что хотя шведы и пытались решить проблему миграции, достигли они лишь незначительных успехов [3: 83].

Особое внимание М. Мёрнер уделяет вопросу «лютеранизации» Ингерманландии и Карелии. По его мнению, этот процесс происходил менее болезненно для населения в Ингрии потому, что для внедрения нового обряда использовался финский язык, являвшийся родным для ингерманландцев. Карелы же, напротив, с трудом его понимали, несмотря на близость карельского и финского языков, поэтому слабо осознавали, почему они должны принимать веру, отличную от укоренившегося православия [3: 79]. Лишь спустя три десятилетия королева Кристина допустила существование православия в Приладожье и даже позволила священнослужителям ездить в Константинополь для хиротонии (рукоположения во священники) [3: 84]. Интересно, что в Москву, куда путь был значительно ближе, никто никого не отправлял, скорее всего, чтобы не создавать слой зависимого от русской патриархии населения.

Но даже несмотря на данное послабление Швеция продолжала терять крестьянское население. Как отмечает М. Мёрнер, по большей части этому способствовал непомерный налоговый гнёт, а также столкновения с Россией. В частности, война 1656–1658 гг. хотя и не повлекла за собой каких-то территориальных изменений, но привела к таким серьезным разрушениям (например, сжигались целые деревни), что у карелов не было иного выхода, как уходить в Россию [3: 91].

Доцент ПетрГУ Ирина Александровна Чернякова в монографии, вышедшей в 1998 г. [9], впервые обратила внимание на то, что отток населения из западного Приладожья начался гораздо

раньше, около середины XVI века, и был связан не столько с разорительными вооруженными нападениями шведов, но в не меньшей степени с ужесточением преследований за приверженность древним языческим верованиям и ритуалам. Православные архиереи на Руси полагали, что реформационные изменения, происходившие в католической Западной Европе, несли опасность обитателям окраинных российских территорий. Тем не менее, как показала исследователь, основной причиной миграции в 50-е — начале 70-х гг. XVI века явилось всё более бедственное положение местного населения: карелы покидали Западное Приладожье, буквально разорённое жестоким взысканием налоговых задолженностей, возникших в результате недальновидной политики в правление Ивана Грозного [9: 28].

Темой русско-шведского приграничья в XVII веке плодотворно занимается санкт-петербургский исследователь Александр Иванович Чепель. Большинство его работ касаются вопросов разведки, дезертирства и бегства, а также положения Ингрии во время войны 1610—1617 гг. и после подписания Столбовского соглашения, однако он касается и карельской тематики. В 2017 г. опубликована статья [7], в которой А. И. Чепель анализирует причины социальных конфликтов в приграничных территориях. Исследователь обращает внимание на то, что в карельских землях происходил форменный разбой после установления новой границы: крестьяне начали устраивать нападения на бывших хозяев [7: 61]. А. И. Чепель, в отличие от Ю. Корпела, видит в этих вооружённых стычках не проявления классовой борьбы, а стремление отомстить за всевозможные притеснения, ссылаясь на опросные листы из уголовных дел того времени [7: 60].

В 2017 г. петрозаводский исследователь Алексей Юрьевич Жуков опубликовал статью, посвящённую одному из наименее изученных событий в истории России периода нового времени. Автор делает акцент на том, каким образом осуществлялся процесс размежевания земель и закрепление границы в 1621 г. [1]. А. Ю. Жуков подчёркивает, что граница, установленная по условиям Столбовского договора, разделила не страны, а народ, который был вынужден выбирать на какой стороне жить. Вслед за А. И. Чепелем автор рассматривает проблему разграничения в Карелии.

Поскольку подробных карт, особенно для северных карельских территорий, не было, показать, каким образом шла граница, могли только местные жители. Из-за этого границу пришлось провести по старинным волостным межам. Очень часто возникали ситуации, когда карелы не являлись на размежевание, так как не были согласны с отводами (передачей шведским землевладельцам) их земель. Это приводило к созданию специальных комиссий по осмотру территорий, которые должны были учесть интересы местного населения. А. Ю. Жуков отмечает, что комиссии следовали пожеланиям не только российских карелов, но также и тех, кто оставался на шведской стороне. Однако устройство и уточнение границы продолжалось ещё десять лет после размежевания. Очень часто возникали ситуации нарушений и требования новой демаркации. Лишь в 1630-х гг. по обе стороны границы были установлены пограничные заставы [1].

А. Ю. Жуков также обращается к вопросу миграции карелов, уделяя при этом внимание значимости переходов населения для России. Это очень важное замечание, потому что нередко исследователи, в частности, Ю. Корпела, К. Катаяла, А. В. Толстиков, исходят из шведской точки зрения в данном аспекте. По мнению А. Ю. Жукова граница 1621 г. явилась настоящим «рубежом веры» — истинного христианства (православия) и «басурманства» (лютеранства), поэтому политика российских властей была направлена на объединение православных карелов под властью царской короны [1].

В недавней работе И. А. Черняковой [8] подробно изучены налоговые реестры XVI—XVII вв., обыскные книги и другие документы массового характера, как шведского, так и российского происхождения, с целью показать их потенциал для использования в генеалогическом исследовании. История конкретного крестьянского рода братьев Збоевых (Зуевых) прослежена как неотъемлемая часть драматичных судеб многих сотен обитателей Западного Приладожья. И. А. Чернякова утверждает, что миграционные процессы были обыденным явлением в российско-шведском приграничье и что вызывались они целым рядом факторов. Основную причину миграции во второй половине XVII столетия доцент Чернякова видит в навязанной местным крестьянам частновладельческой зависимости от шведских феодалов путём раздачи короной населённых карелами земель в Западном Приладожье. Это привело к многочисленным злоупотреблениям, с которыми не желало мириться традиционно черносошное (государственное) карельское крестьянство [8: 125]. Приведя убедительные свидетельства давнего, в отдельных местностях так и не преодолённого запустения, и отметив, что массовый характер поначалу имело полное неподчинение обитателей православных приходов шведской власти: отказ от налоговых выплат, И. А. Чернякова приводит весь спектр причин ухода населения, обсуждаемый в современной историографии. Хотя никто не сомневается в том сколь большое влияние оказало насаждение лютеранства по воле шведской короны, финляндские исследователи убеждены, что там, где не случалось голодовок из-за неурожаев, не возникало нужды покидать плодородные местности даже под угрозой повышенного налога и притеснения православной веры. Так, профессор Катаяла подчёркивает, что часть православного населения всё же осталась под властью шведов, особенно в таких местностях, как Липери и Иломантси [8: 122].

Швеция была заинтересована в возвращении налогоплательщиков, поэтому в XVII веке было составлено большое количество перечней имен, которые затем должны были быть переданы российским властям в качестве претензий. Благодаря большой информативности шведских документов можно судить о том, какого размаха достигла миграция. Вынужденные переселенцы забирали с собой всё, включая скот [8: 98]. Их возвращение было делом не очевидным, поэтому шведская администрация предоставляла оставленные дома и земельные участки переселенцам-лютеранам [8: 107].

Исследуя отношение к населению присоединённых земель шведской администрации, Дж. Линд обращает внимание на русских дворян-землевладельцев, оказавшихся на шведской стороне. Чаще всего дворяне, полагает историк, предпочитали службу шведской короне, нежели русскому царю, и находит тому несколько причин. Во-первых, покидать «насиженное гнездо» — перспектива безрадостная, особенно при отсутствии гарантии получения земельных владений в России. Во-вторых, историк выдвигает политическую причину: многие дворяне в годы Смуты примкнули к противникам центральной власти, поэтому у них не было никакого желания «идти на поклон» к русскому царю [2: 63].

Шведы были заинтересованы в привлечении русского дворянства на службу короне. Прежде всего для того, чтобы удержать в повиновении население. Однако дворяне, перешедшие на шведскую службу и обратившиеся в новую веру, не желали держать в своих имениях крестьян, стойко исповедовавших православие. Лишенные какой бы то ни было поддержки с их стороны, — делает вывод Дж. Линд, — крестьяне в большом количестве мигрировали в Россию (чаще всего в тверские земли) [2: 64].

Что касается положения Карелии в XVIII—XIX веках в контексте русско-шведского противостояния, исследований по этой теме много. В рамках данной статьи хотелось бы обратиться к работам петрозаводских историков — Максима Викторовича Пулькина и Александра Михайловича Пашкова.

В 2018 г. М. В. Пулькин опубликовал статью [5], посвящённую положению карельских земель в период от Северной войны (1700—1721 г.) до Русско-шведской войны 1809—1809 г. Круг вопросов, которые поднимает историк, достаточно обширен. Особое внимание М. В. Пулькин уделяет проблемам обороны Карелии, борьбе за Приладожье, политическим столкновениям и окончательному решению карельского вопроса в русско-шведских отношениях.

Как отмечает автор, из-за того, что царское правительство не удосужилось заняться укреплением обороны карельских земель, в годы Северной войны Беломорье и Приладожье оказались беззащитными. Ссылаясь на финляндских историков Эркки Куую и Ээво Карттунена, автор отмечает, что это и стало причиной осложнённого хода войны на этих территориях. Вместе с тем, М. В. Пулькин обращает внимание на умелое командование, благодаря которому удалось не только отстоять территории, но и вернуть прежние владения в Карелии под власть русской короны [5].

Поражение Швеции в Северной войне привело к краху её внешнеполитических амбиций, однако память о прежнем величии ещё долго жила в народной памяти. Война 1741—1743 г. (известная в шведской историографии как «война шляп»), в которой России удалось оккупировать значительные финские территории, знаменательна ещё и тем, что Россия впервые использовала «династическую карту» в выстраивании отношений. Заставив шведов избрать наследником трона Адольфа Фридриха Гольштейн-Готторпского (родственника Романовых), Россия положила конец реваншистским планам шведской короны. Тем не менее, в 1788 г. шведы решились на ещё одну военную авантюру, впрочем, не увенчавшуюся успехом [5]. Венельский мирный договор подтвердил незыблемость довоенных границ, а также взаимный отказ от территориальных претензий.

Важное значение имеет последняя русско-шведская война 1808—1809 гг., по результатам которой Швеция была вынуждена уступить России Финляндию, что значительно изменило геополитическое положение Карелии, на протяжении веков неоднократно переживавшей войну и разруху. Отныне она стала безопасным для жизни регионом в составе Российской империи.

В 2019 г. вышло учебное пособие профессора ПетрГУ А. М. Пашкова [4], в котором затрагиваются проблемы карельской истории начала XIX века. Автор описывает положение Карелии в годы Наполеоновских войн: социально-политическую ситуацию в крае, экономическое развитие и боевые действия. А. М. Пашков приводит исчерпывающие сведения о расположении войск и тактике, обмундировании и вооружении солдат с русской и шведской сторон. Особое внимание исследователь уделяет событиям войны 1808—1809 гг., окончательно изменившей облик приграничья.

После вторжения на территорию шведской Финляндии русским войскам пришлось взаимодействовать с местным населением. Этот вопрос особенно интересует исследователя. Профессор Пашков указывает на то, что активная работа проводилась не с самим населением, а с лютеранскими пасторами, окормлявшими завоеванные земли [4: 47]. Поскольку финны являлись убежденными лютеранами, произносимые с церковной кафедры уверения для них были равносильны закону. Автор находит это весьма интересным, поскольку российские власти ранее не разыгрывали религиозную карту в политике. Пасторы, которые согласились на сотрудничество с российской администрацией, награждались высокими наградами империи. Например, Ф. Ф. Буксгевдену было предоставлено пять орденов святой Анны II степени для раздачи пасторам, проявившим наибольшее старание в соответствующих проповедях. Как отмечено автором, этот орден, выполненный из золота и бриллиантов, давал права личного дворянства [4: 47]. Русским военным строго предписывалось обращаться с местными

финнами благонравно, не чинить никаких неудобств. Более того, были разрушены пограничные и таможенные заставы для облегчения торговли и промыслов. Таким образом империя пыталаась «привязать» Финляндию и приблизить победу в войне [4: 47].

Несмотря на довольно грамотную политику, — отмечает А. М. Пашков, — в некоторых частях страны всё же было оказано сопротивление. Главным образом, это было вызвано проповедями пастора Сандельса, призывающего крестьян Саволакса и Восточной Финляндии к вооруженному восстанию [4: 51]. Крупнейшим стал бунт, возглавленный Олли Тиайненом из селения Нурмес в финской Карелии. Однако дезорганизованность и слабость партизан сослужили службу русской администрации в подавлении восстания: крестьянам было приказано сдать оружие, доставив его к ближайшим церквам, и разойтись по домам. Для остраски, — сообщает автор, — несколько дюжих заслуженных были казнены [4: 54].

В учебном пособии А. М. Пашкова сделан вывод, что Фридрихсгамский мирный договор (5 сентября 1809 г.), включал в себя условия передачи значительной части территории шведской Финляндии России, тем самым значительно увеличив масштаб Российской империи, а также ликвидировав многовековую шведскую угрозу против русских земель [4: 65—66]. Хотелось бы сделать уточнение, диктуемое темой данной статьи: была ликвидирована многовековая угроза со стороны Швеции на северо-западе Российской империи — в Карелии. После этой войны Швеция так и не вернулась к политике реваншизма, окончательно растеряв крохи былое величия и навсегда отказавшись от любых войн.

В традиционном понимании, граница — это линия, разделяющая два самостоятельных в геополитическом смысле государства. Однако понятие границы многогранно. Она разграничивает не просто страны, но жизненные уклады, которые они представляют, традиции и веру. Изучив современную историографию российско-шведского приграничья в XIV — начале XIX века, приходим к выводу, что до сих пор не угас исследовательский интерес к этому феномену. Учёные-историки всё ещё не пришли к однозначным ответам на вопросы не только о том, как пролегала граница, но также о её социокультурной, религиозной, политico-экономической роли.

Карельский участок старой российско-шведской границы до сих пор будоражит умы исследователей, так как её приграничье в течение нескольких столетий было местом столкновения двух разных миров — российского и шведского, православного и лютеранского, восточного и западного. На примере приграничной Карелии прослеживается, сколь значимую роль играло политическое разграничение в жизни народа, по воле судьбы оказавшегося в эпицентре противостояния имперских амбиций двух государств — России и Швеции.

Список источников и литературы:

1. Жуков А. Ю. Русско-Шведская граница 1621 г. в Карелии и ее значение в жизни карельского народа / А. Ю. Жуков // Альманах североевропейских и балтийских исследований. — Вып. 2. (2017) — URL: <http://nbsr.petrsu.ru/journal/article.php?id=761>.
2. Линд Д. Ингерманландские «русские бояре» в Швеции. Их социальные и генеалогические корни / Д. Линд // Российский родословный фонд. — Вып. 6. — Москва : Памятники исторической мысли, 2000. — 84 с.
3. Мёрнер М. Наследие Столбовского мира. Шведское правление в Ингрии/Кексгольме 1617—1704 / М. Мернер // Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в. Материалы международной научной конференции в Санкт-Петербурге (2007). — С. 78—95.
4. Пашков А. М. Карелия в годы наполеоновских войн (1805—1815) : в 2 ч. — Ч. 1: Карелия в 1805—1811 гг. / А. М. Пашков. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2019. — 124 с.

5. Пулькин М. В. Российско-шведское противостояние в Карелии (XVIII — начало XIX вв.) / М. В. Пулькин // *Studia Humanitatis*. — № 4. (2018). — URL: <http://st-hum.ru/content/pulkin-mv-rossiysko-shvedskoe-protivostoyanie-v-karelii-xviii-nachalo-xix-vv>.
 6. Толстиков А. В. Северо-Западная граница Новгородской земли и Московской Руси в XIV—XVI вв.: от Ореховецкого мира до Тяжинского. Лекция / А. В. Толстиков. — Петрозаводск, 2019. — 26 с.
 7. Чепель А. И. Социальные конфликты в шведско-русском приграничье после Столбовского мира / А. И. Чепель // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманистические и социальные науки (2017). — С. 60—63.
 8. Чернякова И. А. Генеалогический этюд : что могут поведать налоговые документы XVI—XVII вв. исследователю фамильной истории? / И. А. Чернякова // CARELiCA : Научный электронный журнал. — 1/2020 (23). — С. 92—129. — URL: http://carelica.petrsu.ru/2020_1/Chernyakova.pdf.
 9. Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох : Очерки аграрной и социальной истории XVII века / Ирина Чернякова. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1998. — 297 с.
 10. Katajala K. Drawing borders or dividing lands? The peace treaty of 1323 between Sweden and Novgorod in a European context / K. Katajala // Scandinavian Journal of History. — Vol. 37. № 1. (2012). — P. 23—48.
 11. Korpela J. Finland's eastern border after the treaty of Nöteborg: An ecclesiastical, political or cultural border? / J. Korpela // Journal of Baltic Studies. — Vol. 33. № 4. Special Issue — Mapping Baltic History: The Concept of North Eastern Europe (Winter 2002). — P. 384—397.

The Russian-Swedish border on the Karelian section in the XIV — early XIX century: some accents in modern historiography

Uliana A. Milyutina

Second-Year Master's Student

Petrozavodsk State University

Institute of History, Political and Social Sciences

The Department of World History, Political Science and International Relations

Research Supervisor — Associated Professor Irina A. Chernyakova

Petrozavodsk State University

Abstract: The state border is a much more complex phenomenon than it may seem at first glance. This is not just a line drawn in a certain location that divides the territories of two neighboring states, it delimits two worlds, two structures, and serves as a cultural, religious, social and political delimiter, as happened in Russian-Swedish relations between the 14th and the early 19th centuries. The article examines controversial issues related to the Russian-Swedish border in modern domestic and Western historiography.

Key words: Russia; Sweden; Karelia; Ingermanland; border; cross-border research